

JĘZYKOZNAWSTWO

Георгий Мольков

Москва, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

**РЕФЛЕКСЫ БЫТОВОЙ ГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
В ОРФОГРАФИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ РУКОПИСИ
ЕВАНГЕЛИЯ XIII ВЕКА***

**Reflexes of Birch-Bark Letter Vernacular Orthography
In the Gospel Spelling of a 13th-Century Old Russian Manuscript**

ABSTRACT: The influence of the Vernacular Orthography used in Old Russian birch bark letters on standard book writing in Old Rus' is traditionally regarded as insignificant, being merely associated with single inclusions. According to our observations, in the 13th century, during the period of the most active use of graphics with a variation of letters **o** – **ъ** and **e** – **ь** in vernacular writing, this influence in individual handwritings may have been more significant. In the 13th-century handwriting of the Gospel from the RGADA collection (manuscript collection, no. 816), the variation of the letters **o** – **ъ** and **e** – **ь** is represented by hundreds of examples. Their detailed analysis allows us to describe the influential features of Vernacular Orthography on the book spelling system in this period – the normalization mechanisms employed by book scribes to eliminate vernacular effects, along with the most favourable positions for the penetration of these effects into book spelling itself. The article shows that general data on the reflexes of Vernacular Orthography in the manuscript under consideration gloss over the noticeable contrast in the individual positions relevant from the spelling point of view. A more significant influence of the graphic effects **e** = **ь**, **o** = **ъ** on book spelling occurred in the presence of correlating forms within it, differing in a pair of letters (the flexion of the present tense **-еть/-еѣ**, forms of different genders like **правъ / право**, forms of participle and aorist like **падъша / падоша**). In some morphemes, the share of vernacular spelling positions in the manuscript may be one third or more than half of all the examples of a given morpheme.

KEYWORDS: Old Russian, Birch-Bark Letter Vernacular Orthography, standard orthography, **o** – **ъ** and **e** – **ь** variation

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00113 «Лингвистическое исследование и критическое издание древнерусских церковно-книжных памятников домонгольского периода».

Copyright © 2021. Георгий Мольков. This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution-Non Commercial-NoDerivatives 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>), which permits use, distribution, and reproduction in any medium, provided that the article is properly cited, the use is non-commercial, and no modifications or adaptations are made.

Написания со взаимным смешением букв **о – ъ** и **е – ъ – ѣ** вне зависимости от фонетической позиции звука в древнерусских письменных памятниках XI–XV в. хорошо известны и достаточно описаны на сегодняшний день.

Систему с подобным смешением Андрей А. Зализняк¹ назвал бытовой или неполноразличительной графической системой. Основной сферой ее функционирования является некнижная письменность, тогда как за пределами берестяной письменности «самый известный памятник этой категории – список А договора Смоленска с Ригой и Готландом 1229 г.»². Известно также, что примеры использования данной системы встречаются и в книжных текстах³, но здесь они во всех известных случаях единичны, появляясь в отдельных почерках не более чем в 2% возможных позиций⁴. Эта цифра показывает, что в книжных рукописных памятниках не зафиксировано примеров последовательного применения этого приема, и систематическое его использование оказывается возможным только в рамках бытовой письменности.

В некнижных текстах использование неполноразличительных приемов в разные периоды было неоднородным. В течение XII в. частотность их использования в берестяных грамотах «круто возрастает» и «достигает максимума в XIII в.»⁵. Активность этой орфографической системы ограничивается пределами некнижной письменности, однако следы ее наиболее интенсивного употребления в XIII в. отражаются и в списках церковных текстов. Особенности влияния бытового письма на книжное в этот период – механизмы нормализации, которые использовались книжными писцами для устранения бытовых эффектов, наиболее благоприятные позиции для проникновения неполноразличительной системы в книжную орфографию – до сих пор не становились предметом специального рассмотрения.

Во многом отсутствие интереса к этой теме связано с отсутствием показательного материала и сформировавшимся мнением о слабом влиянии бытового письма на книжное. Рассматривая список книжных памятников с бытовыми

¹ А.А. Зализняк, *Древнерусская графика со смешением ъ – о и ъ – е*, [в:] А.А. Зализняк, «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию, Москва 2002, с. 578, 595.

² А.А. Зализняк, *Древнерусская графика...*, с. 577.

³ А.И. Соболевский, [Рец.] *Исследование о языке Синодального списка 1-ой Новгородской летописи*. Труд Б.М. Ляпунова... [1900], [в:] А.И. Соболевский, *Труды по истории русского языка*. Т. 2. Москва 2006, с. 504; Г.К. Голоскевич, *Евсевиево евангелие 1283 года. Опыт историко-филологического исследования*, Санкт-Петербург 1914, с. 24; А.Б. Страхов, *Филологические наблюдения над берестяными грамотами: VI–IX*, “Palaeoslavica” 1995, vol. III, p. 251–254; J. Schaecken, *Notes on the later Russian part of Sava’s Book*, “Russian Linguistics” 2000, vol. 24, p. 329; В.Б. Крысько, [Рец.] М.Г. Гальченко, *Надписи на древнерусских иконах XII–XIV вв.: Палеографический и графико-орфографический анализ*, Москва, 1997, «Славяноведение» 2000, № 2, с. 89 и др.

⁴ В.М. Живов, *Восточнославянское правописание XI–XIII века*, Москва 2006, с. 95.

⁵ А.А. Зализняк, *Древнерусская графика...*, с. 607–608.

эффектами в орфографии, предложенный Александром Б. Страховым, А.А. Зализняк пишет, что наибольшая доля написаний со смешением букв наблюдается в *Евсевиевом Евангелии* 1283 г. – ок. 0,7% всех позиций соответствующих букв, при этом в других рукописях «эти показатели будут еще намного ниже (нередко речь идет лишь просто о том, что в данном памятнике замечено 3-4 примера мены)», а «сам этот список составляет лишь малую крупицу общего фонда книжной письменности, т. е. господствуют в этом фонде рукописи, где указанных смешений просто нет»⁶. Как говорилось выше, Виктор М. Живов упоминает цифру в 2% всех буквенных позиций, написанных по бытовому принципу, но при этом не соотносит эту цифру с каким-либо конкретным почерком, приводя примеры нескольких рукописей конца XI и XII века⁷.

На наш взгляд, древнерусские рукописи XIII в. заслуживают специального внимания в связи с проблемой бытовых вкраплений в книжной орфографии. Существующие представления о степени влияния бытового письма в период его наибольшей активности на книжное представляются неточными ввиду крайне малого процента орфографически описанных книжных памятников этого времени. Кроме упомянутого *Евсевиева Евангелия* 1283 г. ранее исследователи обращали внимание на заметное количество бытовых написаний гласных в отдельных рукописях данного периода: в древнейшем списке *Пандектов* Никона Черногорца начала XIII в.⁸, в *Новгородской кормчей* ок. 1285-1291 гг.⁹; в последней у 11-го писца, переписавшего небольшой отрывок на л. 437в, бытовые приемы письма особенно ярко выражены. Вадим Б. Крысько¹⁰ указал на использование бытовой орфографии в сохранившемся в отрывке Службнике РНБ Соф. 519. Предпринятое нами детальное описание орфографии этой рукописи показало, что взаимная мена букв в ней происходит чаще, чем в ранее описанных почерках. Если в *Евсевиевом Евангелии* объемом 140 листов А.Б. Страхов¹¹ отмечает ок. 160 позиций с заменами букв, то в меньшем по формату отрывке Соф. 519 в 53 листа обнаружено 166 подобных написаний. На некоторых листах концентрация позиций с графической заменой в Соф. 519 может достигать 7,4%¹².

Также на материале Соф. 519 выявлена дистрибутивная особенность бытовых написаний в книжном тексте: «Приемы бытового письма свободнее проникают в книжный текст при обозначении позиционно слабых еров, т. е. тех, которые

⁶ А.А. Зализняк, *Древнерусская графика...*, с. 580.

⁷ В.М. Живов, *Восточнославянское правописание...*, с. 95.

⁸ А.Б. Страхов, *Филологические наблюдения...*, с. 265.

⁹ Г.С. Баранкова, *О некоторых графико-орфографических и языковых особенностях Новгородской кормчей 1280 г.*, [в:] *Славянское и балканское языкознание. Палеославистика*, Москва 2017, с. 15-16.

¹⁰ В.Б. Крысько, [Рец.] М.Г. Гальченко, *Надписи...*, с. 89.

¹¹ А.Б. Страхов, *Филологические наблюдения...*, с. 265-267.

¹² Д.А. Короткова, Г.А. Мольков, *Графико-орфографические особенности древнерусского службника XIII века (Соф. 519)*, "Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований" 2017, т. 13, № 1, с. 927.

в XIII в. в большинстве позиций в живой речи уже не поддерживались никаким звучанием»¹³. Это соотношение подтверждается на материале еще одной рукописи – списка *Евангелия-апракос* из собрания РГАДА, ф. 188, № 816 (далее – РС 816)¹⁴.

Этот список Евангелия XIII в. сохранился в отрывке в 126 листов¹⁵. Кратко проанализировав основные палеографические¹⁶ и языковые особенности РС 816, О. А. Князевская¹⁷ отметила в частности использование приемов бытового письма в рукописи: исследовательница приводит около десятка словоформ из памятника со смешением **о** и **ъ**, **е** и **ь**, **е** и **ѣ**, не оговаривая частотность этого явления в почерке. Более подробно язык РС 816 был рассмотрен в бакалаврской дипломной работе Анастасии А. Герасимовой¹⁸. Основное место в этой работе заняло описание орфографии редуцированных гласных в памятнике, в том числе в специальных разделах (1.1.4 и 1.2.1) были рассмотрены рефлексы бытовой орфографии. А. А. Герасимова приводит общие данные по количеству графических замен букв в рукописи (**о** > **ъ** – 48 раз, **е** > **ь** – 79 раз, **ъ** > **о** – 121 раз¹⁹, **ь** > **е** – 75 раз)²⁰, приводя все найденные примеры с разделением их по морфемам и частям речи. Собранный материал позволяет ей сделать закономерный вывод о том, что «в бытовой графической системе, которая оказывает влияние на текст памятника, существуют эффекты **ь=е**, **ъ=о**»²¹. По этим данным, общее количество примеров позиций с применением бытовой орфографии в РС 816 превышает 300. При вдвое большем объеме рукописи по сравнению со *Служебником Соф. 519* частотность этого явления в обеих рукописях оказывается примерно одинаковой (166 примеров на 53 листа ~ ок. 320 примеров на

¹³ Там же, с. 925.

¹⁴ Рукописное собрание РГАДА. Рукопись исследовалась нами по электронному набору, выполненному по фотокопии рукописи на сайте хранилища: http://rgada.info/kueh/index2.php?str=188_1_816&name=Евангелие%20апракос%20краткий (26.05.2021).

¹⁵ *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР*, Москва 1984, с. 245.

¹⁶ Ольга А. Князевская на основе палеографических особенностей уточняет предполагаемую датировку рукописи, отмечая, что она «по почерку моложе рукописи Толкового апостола 1220 г. (ГИМ, Синод. 7), но старше Новгородской Кормчей 1282 г. (ГИМ, Синод. 132)» (О.А. Князевская, *Восемь пергаменных рукописей из собрания ЦГАДА*, [в:] *Труды Отдела древнерусской литературы*, т. 18, Москва 1962, с. 435).

¹⁷ О.А. Князевская, *Восемь...*, с. 435-436.

¹⁸ А.А. Герасимова, *Фонетико-орфографические особенности Евангелия-апракоса XIII века из собрания РГАДА (Ф. 188. Оп. 1. Ед. хр. 816): Выпускная квалификационная работа*. СПбГУ, Санкт-Петербург 2020.

¹⁹ При этом в Таблице 1 работы *Этимологические редуцированные в памятнике* указано количество в 119 примеров этой замены (А.А. Герасимова, *Фонетико-орфографические особенности...*, с. 39).

²⁰ Там же, с. 50, 56.

²¹ Там же, с. 59.

вой дублетностью **ѣ** и **ѣ̣** и умение ее нейтрализовать в книжном тексте. Примеры со смешением **ь** и **ѣ̣** менее однозначны: **неправыд/нѣмѣ̣** (!) ббв, **призѣрѣ̣** 111г, **къ себѣ̣** 7бб. Ввиду их единичности связь с эффектом **ь** = **ѣ̣** остается под вопросом (в РС 816 встречаются описки с единичными заменами и других букв: **ненавидѣи** 17в, **исковѣсть** 24г, **пача** 25а, **лоуково** 27г в. **лоукаво**, **съгъазхоуѣса** 48г и др.).

Таким образом, основная масса некнижных написаний в почерке РС 816 связана с графическими эффектами **ѣ** = **ь** и **ѣ̣** = **ѣ̣̣**, составляющими наиболее характерную особенность бытовой графической системы²⁴. Достаточно частые примеры исправлений показывают, что писец старался избегать бытовых написаний и в большей степени контролировал правильное для книжной нормы распределение **ѣ̣** и **ѣ̣̣**, более затрудняясь в самокоррекции написаний **ѣ** и **ь**²⁵. Суммарно он допускает написания с меной этих четырех букв 356 раз. Полный электронный текст рукописи дает возможность точно оценить долю бытовых написаний. Поскольку количество замен в обе стороны для каждой пары букв примерно одинаково, оценим процент позиций с бытовым эффектом для этимологических [о] и [е]²⁶.

ТАБЛИЦА 2.

Доля бытовых написаний в позициях [о] и [е] в РС 816²⁷

позиция	стандартная запись	доля	бытовая запись	доля
[о]	9558	99,26%	71	0,74%
[е]	6969	98,38%	115	1,62%

Общая доля написаний в бытовой графике, допущенных книжным писцом РС 816, не превышает 2%²⁸. Такое количество вполне соответствует ожидаемому

²⁴ А.А. Зализняк, *Древненовгородский диалект*, Москва 2004, с. 23.

²⁵ А.А. Герасимова (А.А. Герасимова, *Фонетико-орфографические особенности...*, с. 57) обращает внимание на отсутствие исправлений **ь** на **ѣ̣** при наличии правок **ѣ̣** на **ѣ̣̣**.

²⁶ Подсчет для этимологических **ѣ̣** и **ь** затруднен из-за дробности позиций (сильная / слабая) и невозможности отличить в сильной позиции бытовой эффект от фонетического прояснения.

²⁷ Не учтены позиции **ѣ̣** и **ѣ̣̣** в начале фонетического слова и **ѣ̣̣** в составе диграфа **оу̣**, не затрагиваемые смешением в бытовом письме (А.А. Зализняк, *Древненовгородский диалект...*, с. 24). По важному уточнению Павла В. Петрухина (П.В. Петрухин, *Чтение по складам и графико-орфографические особенности древнерусских берестяных грамот*, "Slověne" 2020, vol. 9, № 2, с. 113), омофоничными при бытовом письме «являлись не буквы **ѣ̣** и **ѣ̣̣**, а **ь** и **ѣ̣̣** как таковые, а пары складов типа CV/CCV с этими буквами, например, **бѣ̣** – **бо**, **бѣ̣̣** – **бе**», в то время как слоги, состоящие из одного гласного, не входили в сферу действия этого принципа.

²⁸ Доля еров, написанных в бытовой графике, по-видимому, несколько (но несущественно) выше: позиции с меной **ь** > **ѣ̣̣** составляют ок. 2,3% от общего числа позиций *[ь] в тексте (следовательно, доля этих написаний относительно только слабых *[ь] еще выше).

для книжного текста (ср. указание В.М. Живова²⁹ на рубеж в 2%). Однако материал РС 816, на наш взгляд, показывает, что приведения только общих данных при анализе бытовых написаний в книжном памятнике XIII в. недостаточно. Общая цифра сглаживает заметный контраст отдельных позиций, релевантных с орфографической точки зрения. Подробное рассмотрение отдельных групп примеров позволяет показать, как книжный писец, владевший также навыками бытового письма, членил языковой материал и какие условия благоприятствовали проникновению неполноразличительной графики в книжный памятник.

Отдельные наблюдения, касающиеся позиционных ограничений для эффектов $\epsilon = \text{ь}$ и $\circ = \text{ъ}$ в РС 816, были сделаны А.А. Герасимовой. Она отмечает, что среди форм с устранением незакономерного ъ преобладают формы аориста 1 лица – *приндѣхъ* 17г, *приндѣхъ* 30в, *прѣ/вбрѣтъхъ* 46б, *напихъмъ* 72г, указывая, что в этих примерах «на ошибку могла оказать влияние регрессивная графическая ассимиляция»³⁰. При наличии в той же категории форм *оученикъ/мъ* 98а, *вълъжити* 102б, *въды* 125а фактор ассимиляции представляется для этой группы случаев определяющим (а грамматическая характеристика форм несущественной).

Кроме того, для примеров с меной $\text{ъ, ь} > \circ, \epsilon$ отмечается, что «чаще всего слабые еры заменяются на гласные полного образования на конце слов»³¹. На материале *Евсевиева Евангелия* Григорий К. Голоскевич³² также отмечал, что замены на конце слов появляются «по-видимому, чаще». На наш взгляд, применительно к орфографии РС 816 позиция конца слова в целом важна, но вторична по отношению к другим факторам, провоцировавшим ошибку писца.

Основным фактором, определяющим большинство случаев, записанных в РС 816 ошибочно с точки зрения книжной орфографии, является собственно орфографическое выделение писцом отдельных позиций написания букв $\epsilon, \circ, \text{ъ}$ и ь . Писец XIII в., сохранявший в книжном письме большое количество традиционных написаний этимологических позиций $*\text{ь}$ и $*\text{ъ}$ ³³, в некоторых случаях выбирал букву в ситуации двух возможных графических шаблонов, строго разграничить которые можно было бы только при постоянном внимании к грамматическим характеристикам. Это происходило в тех словоформах, для которых можно выделить соотносимые фрагменты, различающиеся буквами ϵ и $\text{ь}, \circ$ и ъ ³⁴. Взаим-

²⁹ В.М. Живов, *Восточнославянское правописание...*, с. 95.

³⁰ А.А. Герасимова, *Фонетико-орфографические особенности...*, с. 57.

³¹ Там же, с. 51.

³² Г.К. Голоскевич, *Евсевиево евангелие...*, с. 24.

³³ В частности, прояснение еров в сильной позиции в тексте РС 816 А.А. Герасимова (А.А. Герасимова, *Фонетико-орфографические особенности...*, с. 40) отмечает только в 23 случаях.

³⁴ О влиянии этого фактора на орфографию рукописи см. (Г.А. Мольков, *Смешение букв ϵ и ъ в „Службной минее“ начала XII в. (Соп. 188)*, «Русский язык в научном освещении» 2018, № 1 (35), с. 145-152).

мозамена **є** и **ь**, более частая, чем мена **о** и **ъ**, и не подвергаемая самоисправлениям, позволяет увидеть это более наглядно.

Неравномерность допускаемых писцом ошибок на употребление букв **є** и **ь** заметна при рассмотрении их ближайшего графического контекста – буквы предшествующего согласного.

ТАБЛИЦА 3.

Мена **є** и **ь** после разных согласных в РС 816

предшествующий согласный	є > ь	доля	ь > є	доля	общая доля
т	63	54,8%	21	21,5%	39%
ш	13	11,3%	1	1%	6,5%
ж	4	3,5%	24	24,5%	13%
щ	3	2,6%	9	9,1%	5,5%
другой	32	27,8%	43	43,9%	36%
Всего:	115	100%	98	100%	213=100%

На фоне остальных выделяются написания слогов **тє** и **тъ**: эта позиция, очевидно, представляла для писца РС 816 основную сложность в выдерживании книжной орфографии. Если учесть, что основная масса таких слогов (65 из 84, или 77%) приходится на конец словоформы (считая позицию перед **сѧ**), можно уверенно указать на причину затруднений писца в данном случае – использование обоих слогов в глагольных флексиях, в том числе частотных формах настоящего времени 3 л. ед. числа и 2 л. мн. числа. Морфологическая однородность этих форм – принадлежность одной парадигме – по-видимому, усложняла их проверку. Затрудняющим фактором могло быть и наличие в этих флексиях у глаголов 1, 2 и 3-го классов гласного **є** в предшествующем слоге: два слога с омоимичными в бытовом письме буквами идут подряд, и гласный после **т** мог вызывать у писца опасение регрессивной ассимиляции.

Собственно флексиями **-єть/-єте** взаимная мена **є** и **ь** в конечных слогах после **т** в РС 816 не ограничена. Она встречается также в формах настоящего времени атематических глаголов (**имать** 35а, 36г, 86в, **ксть** 64б, 95а, 97б (×2), 120г, **имате**/ 77г, **вѣсть** 89б, 95б, 97в и др. формы 2 л. мн. числа), глаголов 4-го класса (**възмоутитесѧ**/ **вода** 2г, **просить** 26а, **слышитъ** 55г и др.), в формах императива (**въмѣ/щѣтъ** 49а, **подвизантъ/сѧ** 64а, **не пыцѣтъ/сѧ** 121а), аориста (**вѣрни/ не вѣсть** 66в, **положить** 84б, **сѣтвористъ/** 93а, **кдї/нъ прѣ/дасте** 97в, **вбрѣ/тъ** 118а и др.), имперфекта (**па/доуцихъ вѣ/ашете чєтгыри** 35б), а также вне глагольных форм (**на десѧтъ** 62а³⁵, **пѧте** 120в). Многие из этих форм коррелируют подобно презентным формам на **-єть/-єте**, но формы императива или

³⁵ В этом примере также можно предполагать редукцию конечного гласного.

имперфекта не имеют непосредственной морфологической пары с буквенным альтернантом. Слоги **тѣ** и **тъ** становятся для писца РС 816 орфограммами сами по себе³⁶. Каждый раз, записывая конечный слог **тъ/тѣ** в словоформе, он должен был учитывать морфологическую информацию (для глаголов – более детальную). Писец начинал проверять даже те случаи, в которых книжная орфография имела всего один вариант записи (императив на **-тѣ**, существительное в И–ВП на **-тъ** и т. д.), и не всегда выбирал книжный способ записи.

Глагольные флексии на **-тъ/-тѣ** могли быть источником ошибок в книжной орфографии и в почерке с меньшим количеством примеров смещения **ѣ**, **ь** и **о**, **ъ**. В *Милятином Евангелии* середины XII в. более трети немногочисленных замен **о** > **ъ**, **ѣ** > **ь** и обратных для еров в слабой позиции (6 из 17) приходятся на окончания **-тъ/-тѣ**³⁷. К ним можно добавить несколько глагольных форм с исправленными буквами: **поашеть** 7в (из **поашетѣ**), **идеть** 24б (из **идетѣ**), **имате** 154в (из **имать**) – 3 из 7 подобных исправлений, замеченных в *Милятином Евангелии*.

Предположение о маркированном орфографическом статусе слогов **тъ/тѣ** для писца РС 816 подтверждается и тем, что в 23% ошибок (19 форм) в данных слогах они не являются последними, т. е. неправильный вариант под влиянием частотной корреляции этих слогов в презентных глагольных флексиях писец мог выбрать в любой позиции, хотя и реже ошибался, чем непосредственно в формах презенса. Ошибки в неконечных слогах с **т** представлены следующими примерами: **к/тьръ** 2в, **етьри** 3г, **кть/ри** 17а, **н.костенага**/ 21б, **ктьра** 23в, **дѣлатьлемъ** 41в, **оучитьль** 42б, **к/тьръ** 44б, **чтьтьсьа** 48б, **чтьтьсьа** 54б, **дѣлатьли** 64б, **тьльць**/ 71а, **штере** 86б, **запоусть/ниа** 88а, **въ темоу**/ 92б, **оучи/тьль** 97б, **свьѣдѣть/льствова** 115б. Бытовая запись в этих случаях относится к достаточно ограниченному кругу морфем: 5 из 19 примеров – это местоименная основа **етер-** и еще 5 – суффикс **-тель**. В оставшихся случаях ошибка могла быть дополнительно спровоцирована графической ассимиляцией – в соседнем слоге с гласным **ѣ** или **ь** (ср. выполнение этого условия и для основы **етер-**, и для позиции суффикса **-тель** во многих словоформах).

Доля написаний со смещением букв **ѣ/ь** отдельных морфем со слогами **тъ/тѣ** выше средних показателей. В формах настоящего времени на **-еть/-етѣ** она составляет 4,4% написаний (20 примеров из 453), а для основы **етер-** она отличается существенно: в виде **етьр-** она записана в 13,1% случаев (5 из 33).

В слогах **шь/ше**, **жь/же**, **щь/ще** слабее, чем **тъ/тѣ** выделяющихся по частотности некнижной записи в РС 816 на общем фоне почерка, по-видимому, действует тот же механизм воздействия двух графических шаблонов.

³⁶ Этому также мог способствовать способ чтения по складам, с которым тесно связан принцип омофонии **о / ъ**, **ѣ / ь** в определенных типах складов (согласный–гласный) в бытовом письме. См. П.В. Петрухин, *Чтение по складам ...*, с. 110–113.

³⁷ Г.А. Мольков, *Язык и письмо Милятина евангелия*, [в:] *Милятино евангелие. Рукопись РНБ, Ф.п.1.7. Лингвистическое издание. Указатели. Исследование*. Описание языка, подгот. текста, коммент., словоуказатели Г.А. Молькова, Москва – Санкт-Петербург 2018, с. 35–36.

Слоги **шь/ше** присутствуют в частотных коррелирующих словоформах местоимений (**вашь / ваше, нашь / наше**), а также, как и слоги **ць/це**, в причастных суффиксах³⁸. В отличие от слогов **ть/те** ошибки в слогах с шипящими более однонаправленны. В **шь/ше** ошибочная замена идет в основном в направлении **є > ь**, а в слогах **жь/же, ць/це** – в обратном. В 2/3 примеров эта замена относится к конечному слогу, т. е. частотные словоформы с конечными **-це, -же**, но **-шь** создавали для писца РС 816 затруднения в выборе книжного способа записи словоформ.

Графическим образцом для словоформ с конечным **-же**, по-видимому, служила сверхчастотная частица, в том числе в составе относительных и отрицательных местоимений. Эту группу написаний с эффектом бытовой графики можно считать наиболее яркой особенностью рассматриваемого почерка. Мена **ь > є** встречается преимущественно в формах императива: **даже** 7б, 15в, 40б, 70а, **ви/же** 23б, **виже** 27в, 84б (×2), 111б, **възда/же** 38г, **продаже** 40а, **повѣже** 43г, 87б; а также в именных формах: **моуже** 10г, 34г, 35б, 49в, 126б; **въ до/мъ княже** 31в. Необычность этих написаний в тексте книжного памятника состоит в их последовательности. В совокупности в РС 816 встретилось 37 словоформ с конечным этимологическим **-жь**, из них с эффектом **ь > є** записано 18, т. е. «по-бытовому» писец оформляет данную позицию в 48,5% случаев. Если ограничиться наиболее частотными в этой группе словоформами – императива на **-жь** – доля неправильных написаний будет еще выше: из 20 встретившихся императивных форм 13 (или 65%) записаны с эффектом **ь > є**. Существительное **моуже** тоже в основном записывается в некнижном виде (5 из 8 примеров).

Приведенные количественные данные показывают, что несмотря на проникновение принципов бытовой графики в книжный текст исследуемой рукописи не более чем в 2% позиций в целом, более точное представление о степени влияния бытовых систем на книжную орфографию писца РС 816 дает дифференцированное рассмотрение материала. В некоторых группах написаний под влиянием графических шаблонов частотность применения бытовых значений графем **є, о, ъ, ь** лишь незначительно превышает 2%-ный рубеж (4,4% в презентных формах на **-еть/-ете**), но для некоторых категорий форм или отдельных лексем бытовая графика в совокупности с установкой писца на ее нежелательность в книжном тексте могла дать обратный эффект, модифицирующий традиционную основанную на этимологии орфографию. Переписчик РС 816 принимает для себя в качестве правильного написание конечного слога **же** и наиболее последовательно придерживается этого принципа в формах императива ед. числа: написание **виже** он считает правильным и допустимым в книжном тексте. Таким образом, графический бытовой принцип в рамках

³⁸ Ср. внимание к причастным суффиксам и связанные с ним нестандартные написания у писца рубежа XI-XII вв. (Г.А. Мольков, *Смешение букв ш и щ в письме новгородского писца Матфея*, [в:] *Sub specie aeternitatis: Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько*. Отв. ред. И.М. Ладыженский, М.А. Пузина, Москва 2021, с. 147).

книжного письма резко сужает сферу действия до орфограмм в составе конкретных основ и морфологических категорий.

Графическое клише могло быть связано не только с предшествующим согласным, но и с последующим. В почерке РС 816 заметная доля взаимозамен **є** и **ь** (11% от 213 случаев) приходится на суффиксы **-ьн-** / **-ен(иј)-**:

є > ь: **оу/правльнѣ** 60г, **про//шьниа** 74а–б, **сѣгрѣшьнї/а** 74в, **прѣгрѣшьнї/а** 74в, **запоустѣ/ниа** 88а, **измѣвь/ныи** 97а, **вѣ погрѣвьниі** / 102б, **поклоньниі** 112в (×2), **Ѡвьржѣ/нѣ** 121а, **Ѡ/ пресельниа** 126а (а также в показателе **en*-основы – **камь/ниі** 105в) – 12 раз;

ь > є: **Ѡниже/нихѣ** 5а, **оу/годенаа** 5в, **сѣ/нѣдено** 19в, **н.костенаа./** 21б, **сѣно зелено/к** 28б, **ннѣсенѣмь (!)** 3бв, **нѣсенок** 3бв, **браченок** 43б, **ш/вьщеника** 49в, **хищеници** 69б, **вѣ/зможно** 88в – 11 раз.

Корреляцию этих двух суффиксов, отличающихся этимологическими **є** / **ь**, можно наблюдать уже в XI веке. Как отмечает Михаил Попов³⁹, соотнесение суффикса **-ьн-** с причастным **-ен-** влияет на орфографию Толстовской псалтыри. Писец *Толстовской псалтыри* находился в ситуации выбора между **ь** и **є** по иной причине, чем писец РС 816 (для него написание через **є** было южнославянской орфограммой, поддержанной графическим подобием суффиксу причастий), но примечательно, что в единичных случаях его ориентация на сходство двух суффиксов приводила к «прояснению» еря в слабой позиции: **невѣзможно** 187 об., **блгодатенаа** 207 об., **всконьчена** 21б. В ситуации активизации использования букв **ь** и **є** как графических дублетов в бытовом письме в XIII в. корреляция суффиксов **-ьн-** / **-ен-** ожидаемо актуализируется и воздействует на традиционно-этимологическую книжную орфографию.

В общей сложности больше половины всех взаимозамен **є** и **ь** в рукописи связано с предпосылками в книжном письме, способствовавшими проникновению в него приемов неполноразличительной графической системы. Имея возможность в бытовой ситуации написать глагольную презентную форму 3 л. ед. числа как **идеть**, **идѣть**, **идѣте** или **идете** и при наличии в книжном письме правильных написаний разных чисел **идеть** и **идете**, писец мог колебаться в написании конечной буквы, что приводило в большему (на фоне среднего) проценту ошибок. При большей частотности в церковном тексте этимологически неправильного для определенной словоформы графического образца (местоименная форма **иже** частотнее императива **вижь**) переписчик мог из двух книжных вариантов выбрать «неправильный» в качестве основного (**виже**).

Предпосылки к бытовому смешению **о** и **ѣ** в РС 816 в меньшей степени поддаются группировке. Выделяются коррелирующие ошибочные написания **о** / **ѣ** перед **ш** в формах аориста 3 л. мн. числа (**о > ѣ**) и суффиксе причастий (**ѣ > о**) – 14 форм, или ок. 10% всех написаний с эффектом **о = ѣ**:

³⁹ М.Б. Попов, *Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка*, Санкт-Петербург 2004, с. 253.

о > ъ: оумь/ръша 1г, 3в, 9г, **впърѠ//шаса** 27а–б (испр. из **впъръ//шаса**), **приве/дъша** 28г, **Ѡидъш(а)** 41а, **вврѣ/тъша** 76г, **вѣ/дъша** 102а, **съ/влѣкъша** 103г, **съплъ/тъша** 103г, **извъргъ/ша** 118б;

ъ > о: **шъдоше** 30г, **подошен (!) въ ть/рнии** 53б, **въшь/дошу** 85в.

По-видимому, выбор между о и ъ был осложнен в тех случаях, когда эти буквы служили планом выражения флексий, допустимых в парадигме одного и того же слова. Если е и ь были аналогично противопоставлены в основном в составе рассмотренных выше флексий после т, ш, ц, а после других согласных фактически не встречались в окончаниях одной парадигмы на конце словоформ, то о и ъ, напротив, могли противопоставлять формы парадигмы независимо от предыдущего согласного (мужской / средний род II–III кратких прилагательных, ИП ед. / РП мн. существительных среднего рода). К этой группе минимальных пар, различающихся буквами о / ъ, относятся написания:

о > ъ: **на/ всьакъ время** 2б, **брашнъ** 6г, **къди/нъ ксвѣ** 13б, **тѣлъ/** 28а, **мно/гъ пасомо** 30г, **правъ глѣ** 47в, **правъ глѣ//** 62в, **скоръ** 63б, **въ онъ (в)** 78а, **моногъ** 79б, **въ/ солилилъ (!** вм. **въ солило)** 97г, **писанъ Ѡ не/мь** 97г, **новъ/** 98б, **мѣстъ/** 107б, **сребръ/ много** 107г, **мариннъ./** 111б, **чревъ ношь/шек** 112б, **правъ соудилъ/ кси** 116в – 18 форм;

ъ > о: **мног/ народъ** 10б, **са/мо** 10в, **вьсакъ бо проса/и** 26б, **оу/държимо** 41в, **вво же/** 42г, **Ѡ/ прѣмоудро** 61в, **жестокъ кси** 92а, **дрѠ/го Ѡ дроуга** 92в, **странено бѣхъ/** 93б, **было родилъ** 97г, **вьсакъ зъ/лъ глѣ** 109в – 11 форм.

Такие формы составляют 13% (19 из 143) всех записанных с бытовым эффектом о = ъ позиций.

Отдельные написания с меной могли появиться под влиянием графического шаблона частотных словоформ и морфем. Корень **ход-** встречается в тексте рукописи более 60 раз, с эффектом о > ъ он написан дважды (**въ/стани** и **хъди** 50б, **възь/ми вдръ твон и/ хѠди** 77г – испр. из **хъди**) и оба раза – после союза и (еще трижды форма **ходи** после союза и записана стандартно). Очевидно, эти случаи спровоцированы ошибочной ассоциацией с внешним обликом местоименной формы **ихъ**. Дважды написанное **сквѣ/зѣ** 56в, 64а, вероятно, связано с тем, что последовательность **-воз-** встречается в тексте Евангелия только в этом предложении (менее 10 употреблений) при существенно более многочисленных написаниях приставки **въз-** (ок. 300 раз).

Тем не менее, больше половины позиций о и ъ с нарушением их книжной орфографии в РС 816 не связаны с перечисленными факторами. При отсутствии у писца рукописи ощутимой привязки употребления о и ъ к слоговым клише (как это наблюдалось для е и ь) основным источником ошибок со смешением этих букв можно считать соседство двух и более складов с их использованием (этот фактор, как говорилось выше, определил также особую сложность в записи флексий **-еть/-етѣ**). Более половины всех написаний с эффектом о = ъ (79 примеров из 143, или 55%) находятся в слоге, соседствующем со складами с о и ъ (также учтены ошибки перед слогами с диграфами **оу** и **ѣ**). Показательно, в частности, что мена ъ > о в окончаниях существительных мужского рода

И–ВП происходит за единственным исключением (*рабо*/ 66 об.) в словах с корневым *о*: *плодо* 33г, *въ домо твои*/ 57а, *народо* 67а, *симо/но* 76г, *щдро* 77в, *си/моно* 97а; а также в одном случае перед слогом с *о*: *ра/во болии* 97в. Отдельно можно отметить высокую долю написаний приставки / предлога *подъ* в виде *подо* в том случае, когда далее идет слог с произносимым при записи по складам гласным /о/ (в графике – *о* или *ъ*): *подо/клонити* 29а, *по/донъжию* 44г, *подо/копати* 62г, *подокопавають/* 75а, *подо смокъвию/* 76в, но *подъ кровъ* 29в, 54а, *подъкопати* 45в, 90, *подъ собою* 54а, *подъ/щдръмь* 55в, *по/дъклонити* 60в, *подъ смоко/вницею* 76б, *подъ сподъмь/* 109г. В этой узкой группе примеров писец использует не книжную форму записи в 5 из 14 встретившихся примеров, или в 35,5% случаев, что существенно выделяется по частотности на фоне общей доли написаний с бытовыми эффектами в рукописи (менее 2%).

Подробное рассмотрение материала евангельского списка РС 816 показывает, что вопрос о степени влияния неполноразличительного бытового письма на орфографию книжных памятников должен решаться с учетом специфики книжной орфографии с ее установкой на функциональное разграничение букв *ѣ* и *ь*, *о* и *ъ*. Смешение этих пар букв, в бытовом письменном узусе полностью безразличное к конкретной позиции в слове, слоговой последовательности, согласному в слоге, морфологической характеристике, – т. е. принадлежащее уровню графики, в книжном письме приобретает специфику орфограммы, имеющей иногда достаточно узкие условия употребления. В соответствии с этим влияние неполноразличительной графики на книжное письмо может быть оценено по количеству новых вариантов написания отдельных словоформ, морфем, появившихся в книжном узусе писцов, владевших и бытовым письмом, и степени активности этих новых вариантов.

Общей предпосылкой, благоприятствовавшей проникновению эффектов *ѣ* = *ь*, *о* = *ъ* в орфографию РС 816, было соседство двух и более слогов с буквами *ѣ* и *ь*, *о* и *ъ*. Однако только эта предпосылка при отсутствии дополнительных факторов приводила к единичным отклонениям от книжной орфографии. Более существенное влияние эффектов *ѣ* = *ь*, *о* = *ъ* на книжное письмо происходило при наличии в нем коррелирующих форм, различающихся парой букв (окончания настоящего времени *-еть/-ете*, форм разных родов типа *правъ* / *право*, формы причастия и аориста типа *падъша* / *падоша*). В некоторых случаях в корреляцию вступали формы разных слов, связанные только внешним сходством, – ср. сходство местоименной формы *иже* с бытовым вариантом написания императива *виже* (и шире – сходство относительных местоимений на *-же* с финалью императивов). Как показывает материал почерка РС 816, такие ошибочные орфографические отождествления были наиболее действенным проводником бытовых вариантов написания в книжный текст. При общей незначительной доле смешений *ѣ* и *ь*, *о* и *ъ* в тексте Евангелия в отдельных морфемах вариант их записи с бытовым эффектом мог становиться узуальным для писца и составлять до 65% всех употреблений.

Насколько такие новые, появившиеся под влиянием неполноразличительной графики варианты написаний были индивидуальны для писцов XIII в. и каков

был масштаб этого явления, поможет установить дальнейшее исследование почерков XIII в. и позднейших, имеющих сопоставимое с рукописью РС 816 количество написаний со смешением **є** и **ь**, **о** и **ѡ**.

References

- Barankova G.S., *O nekotorykh grafiko-orfograficheskikh i yazykovykh osobennostyakh „Novgorodskoy kormchey” 1280 g.*, [v:] *Slavyanskoye i balkanskoye yazykoznanie. Paleoslavistika*, Moskva 2017.
- Goloskevich G.K., *Evsyeviyevo evangeliye 1283 goda. Opyt istoriko-filologicheskogo issledovaniya*, Sankt-Peterburg 1914.
- Korotkova D.A., Mol'kov G.A., *Grafiko-orfograficheskiye osobennosti drevnerusskogo sluzhebника XIII veka (Sof. 519)*, “Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy” 2017, t. 13, № 1.
- Krys'ko V.B., [Rets.] *M.G. Gal'chenko, Nadpisi na drevnerusskikh ikonakh XII-XIV vv.: Paleograficheskiy i grafiko-orfograficheskiy analiz*, Moskva, 1997, “Slavyanovedeniye” 2000, № 2.
- Rukopisnoye sobraniye RGADA*, [v:] http://rgada.info/kueh/index2.php?str=188_1_816.
- Schaeken J., *Notes on the later Russian part of „’s Book”*, “Russian Linguistics” 2000, vol. 24.
- Sobolevskiy A.I., [Rets.] *Issledovaniye o yazyke Sinodal'nogo spiska 1-oy Novgorodskoy letopisi. Trud B.M. Lyapunova... [1900]*, [v:] A.I. Sobolevskiy, *Trudy po istorii russkogo yazyka*, t. 2. Moskva 2006.
- Strakhov A.B., *Filologicheskiye nablyudeniya nad berestyanyami gramotami: VI-IX*, “Palaeoslavica” 1995, vol. III.
- Zaliznyak A.A., *Drevnerusskaya grafika so smesheniyem ѡ-о и ѡ-е*, [v:] A.A. Zaliznyak, «Russkoye imennoye slovoizmeneniye» s prilozheniyem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiyu, Moskva 2002.
- Zhivov V.M., *Vostochnoslavlyanskoye pravopisaniye XI-XIII veka*, Moskva 2006.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Георгий Анатольевич Мольков – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела древнерусского языка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. **Важнейшие публикации:** **книги:** *Милятино евангелие. Рукопись РНБ, F.n.I.7. Лингвистическое издание. Указатели. Исследование / Описание языка*, подгот. текста, коммент., словоуказатели Г.А. Молькова, Москва – Санкт-Петербург 2018; *Восточнославянские рукописи XI-XIII вв.: Лингвистические очерки*, Москва 2020 (в соавторстве с В.Б. Крысько). **Статьи:** *Простой аорист в древнерусской письменности*, „Русский язык в научном освещении” 2017, № 1 (33), с. 179-195; *Супин в древнерусских списках Евангелия XI-XIII вв.*, [v:] *Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego*, т. 66, Łódź 2018, с. 319-332; *Лингвотекстология Успенского сборника: данные орфографии*, „Die Welt der Slaven” 2019, Jg. LXIV, Heft 1, S. 128-147.

ORCID: 0000-0002-6165-2040

Email: georgiymolkov@gmail.com